

ФЁДОР КОНЕВ

ОДУВАНЧИК

ПОВЕСТЬ

В то воскресное утро, помнится, Никита Егорович Мехов проснулся в радужном настроении — что-то лёгкое и яркое приснилось, оставив на сердце радость. Вдобавок за окном светило солнце на безоблачном небе. Но когда он вышел из ванны, затрезвонил телефон. Старая знакомая сообщила, что исчез Семён Листопадов, и третьи сутки о нём ни слуху ни духу.

— Как исчез? — спросил в трубку Мехов.

— А вот так, — ответила женщина.

— Ну, есть же милиция...

— Да что ты, Никита! Всё обзвонили. И морги тоже.

— А чем я могу помочь?

— Ну, я подумала, что надо тебя известить.

С этим человеком, с Листопадовым, Мехов не был на короткой ноге, но долгие годы их связывало взаимное любопытство друг к другу. Такие отношения случаются только между людьми, которые явно не схожи и во многом даже противоречивы, но одной какой-либо сутью близки, одной страстью, ведь не зря сказано: рыбак рыбака видит издалека. Их привлекал взаимный интерес к вымыслам, на что были оба горазды, и они при случайных встречах обязательно заводили разговор о чем-либо далёком от суетной будничной повседневности. Не о деньгах говорили, не сплетнями обменивались, а рассказывали друг другу свои сны или наблюдения.

КОНЕВ Фёдор Егорович родился в 1935 году в селе Мужы Тюменской области. Окончил Всесоюзный государственный институт кинематографии (Москва). Кинодраматург, прозаик. Автор книг "Сполохи" и "Снегопад". Участвовал в создании двадцати фильмов. Среди них — "Счастливого человека", "Пламя", "Половодье", "Сад", "Фруза", "Шляхтич Завальня", "Ятринская ведьма", "Чёрный аист" и др. Живёт в Минске.

— Заглянул к соседям. Бабка сидит у телевизора и так смиренно, словно ожидает своей смерти. На экране супермен мочит всех без разбора. А тут тихо угадает бабка. Как тебе, Мехов?

— Что-то в этом есть. Сегодня хорошее слово вычитал: *памятозлобен*. Оценил, Листопадов? Ну, пока!

Эти разговоры ни к чему их не обязывали и не имели практического значения, они случались сами собой и не досаждали. Мехов и Листопадов, возможно, были одинаковой закваски, но уж, бесспорно, разной выпечки. Одни и те же вопросы занимали их, но ответы находились разные. Вроде бы по одной дороге шли, а судьбы сложились — не сравнить. Один был относительно удачлив, словно в рубашке родился, а второму не везло хронически. Вот ещё умудрился исчезнуть!.. Заблудиться не мог, убежать тоже. Куда? Украсть его никому в голову не придёт: зачем? Кому он нужен?

Почему-то вспомнилось, как — давно уже! — заглянул Листопадов в кабинет Никиты Мехова, поболтал по обыкновению о посторонних вещах, а потом сказал, опершись локтем на подоконник:

— Сегодня проснулся и чего-то с такой досадой подумал о надвигающемся дне. Опять одно и то же: завтрак, обед, ужин... А денег в кармане — ни шиша. Осточертело. Как славно было бы исчезнуть, раствориться в воздухе, превратиться в крохотное облачко пара и вылететь в открытую форточку, вознестись и слиться с мутным белесым небом. Вовсе исчезнуть, то есть не только зримо, но и в памяти не остаться. Знакомые люди поутру продолжали бы жить, даже не заметив, что пустоет пространство, которое ещё вчера занимал я. Какое было бы блаженство, когда бы отпала нужда начинать новый день!

И что бы ни делал Мехов в это утро — одевался, завтракал, чистил туфли, — мысли его крутились вокруг Листопадова, и он постоянно возникал перед глазами.

Вспомнилась одна из недавних встреч. Низкорослый и худой Листопадов стоял на крыльце киностудии, на скользких мраморных плитах, одетый в неизменную шубу из чёрного искусственного меха, из-под которой выглядывали синие шаровары, заправленные в короткие, с широким раструбом резиновые сапоги; на голове была детская вязаная шапочка с кисточкой, и весь он походил на клоуна: маленький, с реденькой бородкой, со вздёрнутым носом и распахнутыми голубыми глазами, такими неожиданными на морщинистом, скукожившемся в кулачок лице.

— Бог есть? — спросил Семён, подав мягкую бескостную ладонь и вяло шевельнув пальцами. — Отвечай, Мехов.

Чувствуя себя рядом с ним слишком благополучным, Мехов отговорился расхожими словами:

— Спроси чего полегче.

Ему подумалось, что Листопадов начнёт жаловаться на род человеческий, потому что явно не удалось ему разжиться на пиво, а имел он обыкновение занимать только небольшие суммы, смехотворные, чтобы кредиторам стыдно было напоминать о долге. Но студийный люд хитрость разгадал скоро, и каждый встречный клялся, что мелочи нет. Семён Лукич в таких случаях невозмутимо проходил по кабинетам и набирал сумку пустых бутылок. Однако на этот раз его и в тарном промысле постигла неудача, студия давно не получала зарплату и кабинетный народ постился, а в цехах рабочие если и освежались, то пустую бутылку ни за что не отдали бы — не аристократы.

Но Никита Мехов ошибся в своих догадках, Листопадов ткнул пальцем в его живот, отстранился и поднял безоблачные глаза.

— Я тебя иначе спрошу: а что, если Бога нет?

— Мы живём так, как будто Его и нет, — ответил с натянутой улыбкой Никита Егорович, не понимая, куда собеседник клонит.

— Значит, всё можно? Так вроде ставил вопрос классик. А?

— А ты, Семён Лукич, какой-то общественный опрос проводишь?

— Если Бог есть, то надо оставаться человеком, но если Бога нет, то можно быть хоть кем. Так?

— Что ты всё Бог да Бог? Не на церковной паперти стоим.

— А надо оставаться человеком, если и Бога нет. Понял, Мехов? Пока! — Он многозначительно вскинул палец и осторожно стал спускаться по ступенькам. Уходил, важно вышагивая по выложенной плитам дорожке, смешной и жалкий, принимаемый встречными людьми за бомжа, но очень довольный собой и особенно тем, что ловко озадачил заместителя главного редактора Мехова, человека, в общем-то, неплохого, но всё равно чиновника, бюрократа.

“Надо бы с ним посидеть за чаркой! — подумал Мехов. — Напроситься в гости, что ли? Поболтать на кухне. Хотел бы я знать, сохранилось ли что-то в нём от того Листопадова, который ходил в гениях, или всё выветрилось? Должно быть, остались дохмотья каких-то обрывочных мыслей. Вот он ходит и разбрасывает их без всякой связи. Брякнул и пошёл дальше. Зачем брякнул? Чтобы удивить?”

Вялые размышления сбил молодой человек, недавний выпускник режиссёрских курсов, о котором Мехов пока и знал-то всего, что зовут его Сергеем.

— Здравия желаю, Никита Егорович! — остановился он рядом и кивнул на удаляющегося Семёна Лукича. — Это же Листопадов?

Мехов кивнул, ответил на приветствие, затем спросил:

— А что?

Молодой человек пожал плечами:

— Я не понял, что он имел в виду. Проходя мимо, бросил: “Без души можно жить, но без неё нельзя услышать Бога”. И пошёл дальше как ни в чём не бывало. Упрёк, что ли?

— Он у тебя занимал?

— Да мелочь!

— Вот он и озадачил тебя, чтобы ты не заговорил о долге.

— Да? — разочарованно произнёс молодой человек. — Хотя... алкаши все одинаково хитрят, по мелочи. Замечали? А это правда, что он когда-то подавал большие надежды?

— “Большие надежды” — это слабо сказано. О нём говорили — гений.

Никита Мехов поднялся на свой этаж, прошёл в кабинет и сел за письменный стол, тут же подумав, что повторяет этот путь тридцатый год подряд.

И уже из очень далёкого прошлого всплыло в памяти красивое лицо Марины Ливанской. Совсем недавно Мехов стал членом сценарной коллегии на киностудии, к тому же запустили в производство первый его сценарий, и всё киношное остро волновало его сердце. Что ни день, то случались интересные знакомства, студийное племя постепенно втягивало его в себя, как речной водоворот щепу.

В монтажном цехе, по причине искусственного отбора, что ли, работали одни красавицы, и все были молоды, стройны, длинноноги. Марина Ливанская ростом не выдалась, но среди своих сотрудниц выгодно отличалась миниатюрной соразмерностью. Её хотелось носить на руках. А круглое личико с толстыми губками и большими серыми глазами прямо-таки походило на ангельскую мордашку.

При этом Ливанская всегда была серьёзна, смеялась редко, считала себя умной и любила поговорить о серьёзных книгах, во множестве ею прочитанных. Это была одна из представительниц конца шестого десятилетия двадцатого века, которые преданно относились к искусству и в полном смысле слова боготворили человека с талантом. Такие женщины вывелись, и теперь кажется маловероятным, что они были способны отдать жизнь своему кумиру, служить ему и ради него терпеть лишения, при этом не будучи женой, а оставаясь поклонницей.

Это Никите Мехову раскрылось позже, а в тот день он робел перед красотой девушки и в ответ на её слова мямлил что-то невнятное. Сидели они за столиком в буфете, а тогда в этом заведении подавали хорошие болгарские вина и коньяк.

Постоянным посетителям буфетчица наливала займы, заноса должников в особый список. И это очень устраивало вечно безденежную творческую братию. Бывало, иной бедолага пользовался доверием буфетчицы полгода, пока не выпадал какой-то гонорар. А уж тогда приходил с букетом роз!

В этом буфете под винными парами частенько разгорались страсти, кто-то входил в раж и начинал разоблачать всё и вся, ругал чиновников и клял послушных им бездарей, на него обижались, ссорились, но затем как-то всё оборачивалось всеобщим братством, сдвигались столы и произносились слезливые от любви и умиления тосты.

Марина и Никита пили сухое вино и говорили о чём-то теперь уже забытом. И вдруг собеседница преобразилась, словно приготовилась взлететь прямо из-за стола, устремилась просветлённым взглядом в сторону двери.

— Листопадов, — произнесла она.

Повернув голову, Никита Мехов впервые увидел Семёна Лукича. Это был ниже среднего роста, поджарый, нескладного мальчишеского телосложения человек с пышной шевелюрой кучерявых светлых волос.

— Правда, он похож на молодого льва?

Никита Мехов кивнул, но про себя подумал, что Листопадов скорее похож на одуванчик, дунь — и голова окажется маленькой, сообразной узким плечам. Ступив в зал, он явно был уверен, что на него обратят внимание, но не спешил оглядеться, а устремился к стойке, за которой улыбалась полнощёкая буфетчица, что-то сходу заказал, а потом уж окинул взглядом комнату, расслабился и весело помахал рукой Ливанской. Она жестом пригласила его за свой стол.

— Он гений, — сообщила она, с приближением его улыбаясь всё шире.

Вблизи Никита Мехов разглядел круглое лицо, мелкий вздёрнутый нос, капризно сложившиеся губы и плоские голубые глаза, в которых не было никакого любопытства. И в этом Никита увидел игру: Листопадов как будто показывал, что всё-то он знает и ко всему на этом свете готов.

— Как жизнь? — безучастно спросил он Ливанскую.

— Тоска, — буднично ответила та и кивнула на Мехова. — Познакомься — Никита Мехов.

— Слышал, — он не подал руки, а только кивнул. — Сценарий не читал. Говорят, ничего. В штат зачислили?

— Редактором.

— Собачья должность, — определил он и выпил стакан вина.

— Отчего собачья? — не согласился Мехов.

— Оттого, что кусачая, — засмеялся Листопадов, показав частые мелкие зубы. — Уж я-то знаю.

— Уж да! — подхватила Ливанская. — Уж его покусали всласть!

В середине шестидесятых годов Листопадов приехал с дипломом режиссёра и был хлебосольно встречен тогдашним директором студии, вскоре погибшим в дорожной аварии, но успешным новичку доверить постановку полнометражной кинокомедии. Листопадов не сумел отказаться, да и не особенно отбивался, считая, что всё ему по плечу.

Тогдашний Семён Лукич не остыл ещё от оттепели, как называли время на стыке пятидесятых и шестидесятых годов, страстно верил, что всё будет хорошо в родном Отечестве, что до полного народного счастья осталось немного: одолеть кое-какие пережитки прошлого, и всего-то! С культом отца народов покончено, живи и проявляйся.

Вот с таким пагубным настроением и затеял сражение с тёмными пятнами на светлом лице советской действительности горячий по натуре, честный до глупости и безоглядно счастливый Семён Листопадов.

И всё поначалу шло хорошо. Художественный совет одобрительно отнёсся к отснятому материалу: свежо и смешно, что и нужно для комедии. Но когда не единожды просмотренные начальством куски сложились в монтаже в единое целое, когда появились шумы и музыка, когда каждая реплика обрела чёткость и легла на своё место, грянул гром.

Картина рассказывала о простых, как называли по-армейски, рядовых людях, которые оказывались чертовски сметливы, находчивы и напористы, чтобы обойти разного рода чиновников, и жили так, как человеку положено, то есть толково. Выходило, что ни труженик — умница, что ни начальник — дурак. А в зале сидели не рядовые. В креслах восседало руководство. И так оно обозлилось на картину, что не только запретило, а велело смыть пленку, чтобы стала прозрачной.

От первого фильма Листопадова не осталось даже кадра. Бывшего директора уже не было в живых, и во всём обвинили покойного, потраченные деньги списали, а режиссёра забыли, будто и не было такого.

Но о картине очень долго помнил студийный творческий люд. Как всякая легенда, история фильма обрастала былинными подробностями, и уже кто-то с пророческим видом говорил, что погублен кинематографический шедевр, и прощения этому не будет. Семён Листопадов ходил без работы и даже без надежды на неё, но при людях не унывал и часто в компаниях рассказывал о своём главном замысле, с которым приехал на киностудию и которому *зелёный свет* обещал покойный директор, но с условием: прежде спасти слабый комедийный сценарий. Производственный интерес... Знал бы, чем это кончится!

Тогда, в буфете, Марина Ливанская сказала:

— Сегодня собираемся у меня. Придёшь?

— Если ты просишь...

— Ещё как прошу! — призналась Ливанская.

— Будешь? — с легкостью перешёл на “ты” Листопадов, глядя на Мехова с каким-то нетерпением.

— Конечно, будет, — подтвердила Марина Ливанская.

— Там и покалякаем, — торопливо поднялся Листопадов. — Спешу. Пардон. И всяких благ!

* * *

Когда-то давно в душе Семёна Лукича Листопадова зародилась мечта создать редкой красоты кинокартину, и в ту пору казалось, что в этом его единственное земное предназначение: сотворив сие, можно спокойно умереть. Ему ещё не было тридцати, он был порывист в чувствах, страсти вспыхивали с пороховой лёгкостью и опаляли тогдашних слушателей, его друзей и подруг, в большинстве своём таких же молодых утопистов.

Никита Мехов каждый раз удивлялся тому, как разительно другим становился Листопадов в такие минуты: безразличные глаза начинали светиться, словно сквозь них пробивались лучи, в некрепком теле возникала упругая сила, а голова в пышном облаке пушистых волос приобретала царственное величие.

— Главный придворный звездочёт флорентийского герцога Медичи, сенатор и член тайного совета мессер Джан Галеацца де Горгольо, — говорил Семён Лукич упругим голосом, в котором ощущалась восторженная дрожь, — отбыл с секретной миссией через Польское королевство в столицу Золотой орды Сарай-бату, имея целью договориться с монголами о совместной войне против турок. На территории нынешнего белорусского Полесья мессер бесследно исчез на глазах своих попутчиков, кои тут же бросились прочь из тех мест в сильнейшей панике.

В этих начальных словах, как считала Ливанская, звучали булгаковские интонации.

— Помните, как начинается “Мастер и Маргарита”? — спрашивала она каждый раз и артистично воздевала руки. — “В белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой...”

— Удивительно точное наблюдение! — вскидывался рыжий и худосочный тип, который тем и запомнился Мехову, что восхищался по каждому пустяшному поводу и теребил длинными, казалось, бескостными, как щупальца, пальцами соседей, чтобы те разделили его восторг, но встретив пренебрежение, замирал в задумчивости, чтобы через какое-то время снова вполношиться в экстазе.

— Тихо! — строго и требовательно повышала голос Ливанская. — Тихо, друзья!

Подвыпившие приятели и приятельницы слушали Семёна с чувствительным пониманием, бросали короткие одобрительные реплики, не забывая наполнять стаканы дешёвым вином совхозного производства, которого тогда

было в изобилии, словно уже надвинулся одним боком на страну коммунизм.

Ливанская имела однокомнатную квартиру в старом доме, и кухня была очень просторной, круглый обеденный стол стоял посередине, и хватало места ходить, ничего не задевая. Никита Мехов был новичком в компании, немножко стеснялся и оттого, должно быть, всё внимание обратил на Листопадова, стараясь разобраться в его замысле.

В тот же вечер изрядно выпивший Листопадов признался Мехову, что намерен создать эпическую притчу о Времени и Человеке. Режиссёрские замашки его не страдали скромностью, в честолюбивых мечтах возникало полотно, которое затмило бы Феллини, знаменитого тогда мастера. Листопадов так и сказал:

— Этой выси никто не достигал. Поверь на слово, Мехов, никто! Фильм в башке, осталось перенести на плёнку.

В конце вечера Мехов и Листопадов почему-то сидели в коридоре на сваленной в кучу верхней одежде гостей, по-азиатски скрестив ноги и держа в руках початые бутылки вина. Листопадов жаловался на судьбу и терзал пятернёй пушистые волосы.

Когда комедию смыли, земля качнулась под ногами и, спасаясь в отчаянии, Листопадов ухватился за горлышко бутылки. Благо друзей-соотрапезников искать не пришлось — обиженного народа возле студии вилось много. Семёна принялись таскать в какие-то компании, представляли кому-то, с кем-то знакомили, говорили о нём восхищённо, глухо ругали систему и восторженно замолкали, когда он, изрядно выпив, начинал говорить. Нет, он не поносил своих обидчиков, не жаловался на судьбу — он возносился в мечтах.

— Но ещё до таинственного исчезновения мессера Джан Галеацца де Горгольо, а именно пятого марта триста девяностого года от Рождества Христова, в правление римского императора Феодосия, военный трибун девятого легиона четвёртой когорты Публий Гельвеций был направлен во главе многочисленного отряда на кораблях в далёкую Сарматию. Ему был дан приказ отыскать водный путь из Понта Эвксинского в Свевское море. Трибун Публий Гельвеций бесследно исчез в дебрях лесов верховьев таинственной реки Борисфен. Один из легионеров видел, как трибун ринулся за девушкой, которая внезапно появилась перед ним. Он почти догнал её, протянул руку, чтобы схватить за длинную косу, но тут случилось невероятное: Публий и незнакомка растворились в воздухе.

Если сначала Листопадов пил с горя, то со временем водка становилась ему необходимой, чтобы расшевелить в душе мечту, которая замирала в трезвые минуты жизни, когда Семён начинал понимать, что в кино ему дорога заказана. Он убедился в этом, тычась в двери всех кабинетов. Начальство опасалось, что он опять что-нибудь выкинет, так что ждать милости не приходилось. Умные люди советовали ему покаяться, упасть на колени, прикннуться *блудным сыном*, мол, “выведите на путь истинный, светлые мои товарищи”, но Листопадов с малых лет не умел притворяться и чувствовал, что не проведёт пройдошных советских чиновников.

В редкие дни трезвости ему становилось страшно жить, и он снова тащился в какую-нибудь компанию. Начинались бесконечные сидения на чужой кухне, короткий сон в чужой постели или на полу вповалку с другими, тяжёлое пробуждение, помятые лица, хрипкое мычание и спасительное похмелье.

По утрам от первой рюмки Листопадов ещё более мрачнел. Событийники оживали, рассказывали с каким-то идиотским восторгом, кто чего помнил из вчерашнего. Листопадов наливал себе сам и выпивал один. Из души не сразу улетучивался мрак. Семён жестом просил соседа снова плеснуть. И в какой-то миг с разливающимся внутри теплом появлялась уверенность, словно рушился невидимый забор, и душа обретала свободу. Это означало, что вернулась мечта, и уже казалась она осуществимой, потому что нет преград, которую не одолел бы Листопадов. Да не может такого быть, чтобы он не доказал самым твердолобым, как важен и как нужен зрителю, а уж если быть откровенным, так всему народу задуманный им, Листопадковым, фильм. Поймут, поймут...

— Триста семьдесят два года спустя после того, как придворный звездочёт флорентийского герцога Медичи отбыл с секретной миссией в столицу Золотой орды, — уверенным и твёрдым голосом прерывал застольную болтовню Листопадов, ничуть не сомневаясь, что все будут слушать его, как и всякий раз, когда он начинал рассказывать свой главный замысел, — а именно второго ноября 1812 года корпус под командованием генерала Ермолова столкнулся с арьергардом отступавшей Великой Армии в верховьях Днепра. Непродолжительный бой завершился полной победой русских, в плен сдались около трёхсот французов. Потери русских были ничтожны: двое убитых и несколько раненых, среди которых был молодой артиллерийский подпоручик второй бригады Александр Фролов. Его товарищ оставил раненого на опушке леса и побежал за помощью. Когда же он вернулся с носилками и двумя санитарями, то Александра Фролова не обнаружил. Вступив в лес, он увидел сплошное непролазное болото. Фролов бесследно исчез.

Листопадов говорил, откинувшись и заложив руки за спинку стула. Не раз Никита Мехов видел его таким. В такие минуты он уходил в своё вожделенное кино. Он смотрел прямо перед собой и не замечал слушателей. Должно быть, перед его мысленным взором щетинилось стерней неровное поле...

Трое растерянных людей суетятся на опушке леса, стараясь найти хоть какой-нибудь след. Один из них вдруг застывает, с ужасом глядя на болотные оконца среди рыжего кочкарника и чахлах берёз, стайкой уходящих вглубь, в сизый туман, что густо клубится над жёлтой хлябью. Товарищ Фролова, сам ещё молодой и безусый поручик, с невольным страхом отступает назад, когда слышит зов, глухой и далёкий, словно долетающий из болотной прорвы.

— Что это? — спрашивает он санитаров.

— Вас кличут, ваше благородие, — ответили солдаты. — И вроде подпоручик-с... Фролов-с...

И тут его благородие замечает девушку, одетую, как крестьянка, с длинной и толстой косой на груди.

— Болотная дева, — шепчет один из санитаров.

— Послушайте! — бросается к ней его благородие. — Подождите, барышня!

Она с улыбкой отступает назад, протягивая руки ему, явно манит, блазнит. За ней пузырится тина, ещё шаг — и девушка погибнет. Поручик броском настигает её, и санитары немеют от изумления: исчезает в призрачном воздухе вместе с девицей.

Сколько ни длились вышивки, а похмелье наступало. И тогда Листопадову приходилось возвращаться домой, в одиночество. Он клялся, что никогда больше не пригубит ни капли вина. Но хватало его ненадолго. Походит по киностудии, посидит в приёмных, даже принят будет из милости кем-то, но ничего не добьётся, и такой мрак заполнит душу вязкой смолой, что не выдержит и снова побежит из дому, чтобы хоть на короткий миг вернуть мечту, и самозабвенно, не ведая, каким людям, и не помня, в который раз, говорить страстно:

— Мессер Джан Галеацца Горгольо, военный трибун Публий Гельвеций, подпоручик Александр Фролов с товарищем и многие другие исчезали бесследно, и люди забывали о них. Проходили годы и столетия, время двигалось ровно и неуклонно, превращая в прах поколение за поколением, никого не щадя: ни самых достойных, ни самых непотребных, ни гениев, ни глупцов, ни грешных, ни праведных. Всё, что приходило жить, неизменно умирало. Время шествовало вперёд, неведомо когда начав роковое движение. И только над цветущим островом среди гиблых полесских болот время было не властно. Ведь оно существует тогда, когда что-то рождается и что-то умирает, когда зиму сменяет весна, а весну — лето, когда солнце восходит и заходит, отмечая дни и ночи. Но если всего этого нет, а есть одно бессмертие, то и нет времени.

Он умолкал, ему подавали стакан с вином, он пил, а кто-то в это время рассуждал, глядя на него, что Россия долго ещё будет не колыбелью, а кладбищем талантов.

Но с годами Листопадовым восхищались всё меньше — его всё больше жалели. Друзья-приятели вроде бы даже искренне вздыхали о сломанной судьбе безвредного человека, но он не жалости хотел, не сострадания, а того, чтобы оставалась с ним возвратившаяся во хмелю мечта и чтобы все верили, что не сломался Семён Лукич, что есть ещё порох в пороховницах... Но уже никто не тешил себя надеждой, что Листопадов поставит картину. Постепенно он становился даже докучливым завсегдатаем киностудии.

Марина Ливанская создала для себя нового кумира, глаза её сияли, когда появлялся высокий, с печальными глазами навьюкاته, внешне похожий на смертно загнанного и совершенно не кормленного коня человек, который пока поставил один документальный фильм, но подавал, по мнению двух-трёх знатоков кино, огромные надежды.

— Колоссальный ум! — повторял слова Марины Ливанской восторженный Кокوشин и теребил белую кофту соседки, словно вытирал пальцы. — Оригинал!

Этот гигант ума сразу не пришёлся по нутру Мехову, показался скучным и дохлым, свои умозаключения он явно готовил заранее, старательно копаясь в книгах, потому в спорах не участвовал, а сидел с отрешённой скептической улыбкой на суховатом лице и грыз ногти.

— Тихо! — призывала Марина. — Тихо, друзья!

Тогда оригинал начинал вещать. Мехов не понимал, о чём он говорит, и другие точно так же терялись в догадках, но согласно кивали и разводили руками, соглашаясь. А он лепил цитаты на цитаты, будто клал кирпичи без цемента.

— Мессер Джан Галеацца Горгольо, — в пьяном забытии перебил его однажды Листопадов и в испуге умолк.

Кричала Марина Ливанская. Никита Мехов такой её и не видел. Она вскочила с ножом в руке и побледнела.

— Хватит! — вопила женщина. — Сколько можно?!

Подскочил Кокوشин, словно его шилом ткнули, затрясся от злости и нетерпения.

— Заткнись! — противным тонким голосом завизжал он и вытянул щупальца, словно намереваясь ухватить Листопадова за горло.

Станным показалось Мехову то, что очень неглупый Листопадов не предвидел заранее, что этим и должно когда-то всё кончиться, потому так растерялся, что на него было больно смотреть. А за столом сидело человек десять. Все завсегдатаи: неудавшийся оператор, который семь раз поступал в институт кинематографии, но не прошёл творческий конкурс, молодой писатель-новатор, который создавал аллегорический роман из жизни дождевых червей, и его приятель, сумрачный тип, у которого отец работал в местном издательстве, две подружки Марины по работе, беспрерывно кутившие с выражением постоянного понимания и сочувствия на лицах...

Вся эта публика уставилась на бедного Семёна Лукича, который надоел им хуже горькой редьки, отчуждённо, недовольно, даже злобно. Тогда поднялся Никита Мехов и бесцеремонно заявил:

— Вы не очень-то... Спрячьте клыки.

Эти слова действовали на Марину Ливанскую, она поняла, что сорвалась, повела себя недостойно, что получилось некрасиво, и села явно в подавленном настроении. А кого-то Мехов задел.

— Что значит — клыки? — с угрозой спросил приятель романиста. Ответь на вопрос — и начнёшь склока, народ-то обидчивый, битый и неустроенный, а он, Мехов, и при службе, и фильмы ставят по его сценариям. И чего он болтается в этой компании? Может быть, в стукачах ходит? Очень на то похоже.

Не взглянув на спросившего, Мехов взял за руку Семёна и вывел из-за стола.

— Идём, Листопадов.

Но тот уже очухался, уже гордыня разыграла, остановился в дверях кухни, обернулся и спросил:

— Пропуска на студии у всех в порядке? Завтра приступаю к дежурству. Устроился вахтёром.

С пропусками у этой компании было неважно — обычно на студию проводили друзья. Но не это озадачило братию. Новый избранник Марины Ливанской проявил себя с неожиданной стороны. О лошади в таких случаях говорят: попала шлея под хвост. Под грузом высоких и глубоких мыслей он постоянно пребывал в состоянии живого памятника, а тут вскочил со стула, стал по кухне ходить и всё руки потирал — того и гляди ладони задымятся. Марина Ливанская смотрела на него испуганно и восторженно, ожидая слов истины.

— Вы понимаете?! — воскликнул молодой человек. — Это же... Нет, вы только подумайте! Вникните! Вообразите!

Если бы ещё намекнул, во что нужно вникнуть и что вообразить, цены бы ему не было, но все гении на один манер — их надо разгадывать. За столом возникло некоторое замешательство, никто не знал, надо ли гнать Листопадова или восхищаться им. Все с большой надеждой смотрели на Максимилиана — так звали новичка. Вообще-то он был Максимом, но очень любил поэта Волошина, и потому чуть изменил своё имя.

— Пастухов! — воскликнул Максимилиан и застыл, воздев руки. Пастухова за столом, естественно, не было, но все знали его и одинаково презирали. Такой бездари днём с огнём не найти, а он постоянно в работе. Ничёмный человек, но великий подлиза. Так умеет ладить с начальством, что никто на студии этого искусства не может умом постигнуть. Даже директор дивится: пакость какая! И тут же запускает в производство его новую картину. А что делать? К чему придраться? В его фильмах всё настолько правильно, что опасно критиковать.

— Подходит Пастухов, — пылал вдохновением Максимилиан. — А вахтёр ему: “Ваш пропуск!” У того глаза на лоб. А Листопадов: “Пропуск. — Не узнаешь, что ли? — Пропуск. — На тебе! — Ваш пропуск не действителен. Тут нет пометки, что вы талантливый режиссёр. С вашими способностями следует работать не на студии, а в общественном городском туалете, милейший!” И... не пропускает.

Компания с немим восторгом уставилась на Листопадова, полные губы Ливанской трепетали нежностью, а глаза сияли несказанным светом.

— Феноменально!

— Идём, — тащил Мехов за руку Семёна, который был уже готов простить изменницу и занять пустой стул. — Не унижайся.

Они в тот вечер поехали почему-то на железнодорожный вокзал и проболтали там всю ночь, то шастая по округе, то сидя в зале ожидания среди сонных людей.

— Ты хоть понимаешь сам? — вопрошал Никита Мехов. — Все человеческие ценности теряют смысл, если придёт бессмертие. Рушится государство, его система запугивания. Как человека наказать, если он бессмертен? Сколько ему лет тюрьмы дать? Чем его можно наградить? Он и так отмечен бессмертием. Ордена, медали, звания — всё не имеет смысла. Это смертные хотят отличаться от других, оставить память о себе. А кто поставит монумент бессмертному? Какой в нём смысл? И все религии ни к чему. Зачем мне Бог, если я не умру?

В ту ночь Мехов говорил много, а Семён слушал и никак не загорался. Мехову казалось, что он понял его замысел, и за это благодарности ждал, а Листопадов повесил нос и глаза прятал.

— Ты для того свёл людей на острове бессмертия, — толковал Никита Мехов, — чтобы усомниться во всех нынешних идеалах, а единственной ценностью признать Красоту. Вот, брат, на что ты замахнулся.

Терпеливо выслушав излияния Мехова, Листопадов тихим голосом сказал, дотронувшись пальцами до локтя собеседника:

— Они были свободны. Там, на острове... Если кому-то захотелось бы уйти, он мог это сделать запросто. Шагай себе назад, болото перейдёшь по кладу, а за ним есть невидимая граница, переступил черту — и ты в царстве Времени.

Он помолчал, посопел, проводил взглядом толстую цыганку, что шла через зал к выходу, и добавил:

— Но никто из них не знал, сколько лет прошло. Может быть, давно его земной срок кончился. Перешагнул черту — и всё, пылинки малой от тебя не осталось. Вот в чём суть.

Листопадов вздохнул, словно освободился от главного и самого тяжёлого груза, и продолжал:

— Я никому не рассказывал замысел до конца. Мои приятели не поняли бы меня. Им чем нравится... нравилось то, что я рассказывал? Они так понимали, что это вызов сегодняшней действительности. Для них Остров бессмертия — это противоположение советской власти, вызов режиму. А я не против социализма. Я совсем о другом хочу делать кино. Совсем о другом!.. Мессер Джан Галеацца Горгольо, военный трибун Публий Гельвеций... Это антураж, завлекалочка. А мне Фролов дорог. Сашка Фролов. Только он.

И неожиданно заключил:

— Есть земные ценности, без которых жизнь теряет смысл.

И дальше ничего не стал объяснять, а продолжил рассказ о Фролове, детство и отрочество которого прошли на окраине маленького старинного городка на высоком берегу Западной Двины ниже Смоленска, в деревянном доме в два яруса, под малиновый звон колоколов. Семья была большой: с дедушками, бабушками, с тетюшками, со строгим отцом, артиллерийским полковником в отставке, с милой маменькой и пятью сестрицами. В начале юности Александр влюбился в дочь соседнего помещика, и ему казалось, что в мире нет ничего красивее имени Наташа. Вдоль прибрежной кручи стояли в ряд тополя и были вконец одряхлевшими, дуплистыми и мрачными, но никто их не валил, потому что ещё помнили: их посадил прапрадед. Юная парочка встречалась у этих тополей и клялась друг другу в вечной любви.

В ту ночь Семён Листопадов рассуждал о своих придуманных героях, как о реальных людях, приводя многие детали и подробности, столь значительные в отношении молодых людей, показывающие подлинность и глубину их чувств. В ту ночь Семён Листопадов говорил только о любви. А Никита Мехов слушал и догадывался, что Семён Лукич влюблён. Но в кого? Не в Ливанскую ли? Однако выяснять не стал.

— Так о чём же твой фильм? — спросил Мехов, когда Листопадов умолк.

— Пошли по домам, — вздохнул Семён Лукич. — Я устал.

Назавтра Никита Мехов, придя на работу, увидел Листопадова возле турникета.

— Проходи, — сказал тот ему и не стал смотреть пропуск.

Оказалось, что Семён Лукич в самом деле устроился на студию вахтёром. Удалось ему это потому, что охрана была вневведомственной. Своим появлением в форме, при фуражке с синим околышем он сильно шокировал руководство студии и особенно Госкино. Его вызвали в партком, хотя он был беспартийным, долго и терпеливо беседовали, уговаривая уволиться, даже предлагали работу в документальном кино, однако Семён Лукич не согласился из принципа. Ему нравилось говорить самому директору студии:

— Предъявите пропуск.

Конечно, тот возмущался: куда это годится! Но Листопадов молча показывал на вывеску, которую повесили по приказу того самого директора, призывающую предъявлять документ при входе.

Мерно текли безликие семидесятые годы, про режиссёра Семёна Лукича Листопадова постепенно забыли, уже привыкли видеть его в мундире, а он оказался толковым, продвинулся по службе, стал главным над охраной, имел собственный кабинет во флигеле, подписывал все пропуска — без его подписи теперь было никак! Теперь он сам был большим начальником, бумаги на столе перебирал...

Иногда он заглядывал в кабинет Никиты Мехова, и если выпадало время, они тихо беседовали о чём-нибудь. Как-то однажды пришёл, сел на диван и долго молчал, глядя в окно, потом вздохнул:

— Вот же наказание!

— Да что такое? — участливо спросит Мехов.
— Не отпускает, — пожаловался Семен Лукич.
— Кто?

— Не кто, а что!.. — грустно улыбнулся Листопадов. — Привычка... — Он повздыхал, глядя куда-то в угол, и грустно рассказал:

— Подхожу к лестнице на второй этаж, к тебе собрался. А по ней спускается девушка. Ну, такая прямо... Слов нет! Бывают же! Я остановился на первой ступени, смотрю на неё. Девушка прошла мимо, пахнув дорогими духами. А я стою, замерев. И — раз! — посмотрел назад. Она проходит через двойные двери и на миг отражается в стёклах. Какой кадр!

Он расстроено замолчал, должно быть, горько сожалея, что никто, кроме него, не видел этого чудного мгновения.

— Так всю жизнь, — пожаловался тогда Семен Лукич. — Всё вижу в рамке кинокадра. Проклятье какое-то! Сколько, Никита, я этих своих фильмов перевидал! Уму непостижимо...

— Я помню... про тот остров...

— Что ты помнишь? Я никому не рассказывал тот замысел до конца. Вся-то суть — в конце.

— Расскажи.

— Да какой толк теперь!

Он поднялся и ушёл, сославшись на неотложные дела.

* * *

Между тем, людская жизнь струилась себе тихо да мирно. Потом ту пору назвали “застоем”. Подобно равнинной реке текла та жизнь, да вдруг забурлила, разрушая берега, будто порожистые места пошли, перекаты, падуны... На киностудию хлынули какие-то нувориши с деньгами, позанимали кабинеты, назвали офисами, компьютеров наставили, длинноногих девушек посадили за них, клепали картины десятками. Один такой “новый русский” пристал к Листопадову, прослышав про его давнишний замысел. Семён Лукич свою выгоду быстро усёк: угощался коньяком да кивал головой, но, оказалось, до поры до времени.

Продюсер от него секса требовал. Красивые девки и парни на острове бессмертия... Чем им заниматься, имея столько свободного времени? Конечно, сексом. Только представить: вечный сексуальный карнавал. Это грандиозно!

Семён Лукич кивал головой, попивая дармовой коньячок, а потом поднялся и сказал:

— А не пошёл ли бы ты подальше, чучело?!

— Ты что? — не понял продюсер. — Я тебе зеленью отвалю. Ты таких денег в руках не держал. Мне такая картина — во как нужна! Я на ней миллионы загребу. Не брыкайся.

Однако Листопадов не стал разговаривать со своим благодетелем и даже коньячком пренебрёг. А ведь мог ещё тянуть вольнку ради халявы... Но не выдержала душа пошлого измывательства над его замыслом. Взбунтовалась.

Уже к более позднему времени относится одна обстоятельная история, которая круто могла поменять жизнь Семёна Листопадова, и всё к тому шло, да опять осечка вышла. И причиной того был он сам.

Однажды после обеда Семён Лукич по обыкновению обходил территорию киностудии, изрядную площадь, обнесённую забором, на которой находились столярка, пилорама, склады, фильмотека, пошивочный цех, гаражи, ремонтные мастерские — разные хозяйства. Смотри, охрана, в оба и не зевай!

За отдельным проволочным ограждением устроили охраняемую стоянку для личных автомашин сотрудников, и возле неё Лукич столкнулся с Виталием Погудаловым, который только что поставил свою “Волгу” и направился в сторону главного здания.

В другой раз обошлись бы кивками, а тут Погудалов почему-то остановился.

- Сильно занят? — улыбнулся Погудалов.
- Да нет.
- Зашёл бы... У себя буду. Обойдёшь владенья, загляни. Лады?
- Лады.

И они расстались.

Обратно Семён Лукич возвращался по коридору мимо комнаты, которую уже несколько лет занимал Погудалов, человек заслуженный и занимающий на студии далеко не последнее место. По творческим вопросам директор не принимал решений, не поговорив с ним, не посоветовавшись.

Начинал Погудалов в одно время с Листопадовым, оба запустились с картинами, один — с комедией, другой — с партизанской темой. И если Семёна Лукича за его труды в дёгте выкупали, то Погудалова наоборот — обласкали. Начальство до того было довольно молодым режиссёром, что тут же выдало трёхкомнатную квартиру и распахнуло перед ним широкие ворота: иди и твори.

Семён Лукич остановился возле кабинета Погудалова. Скорее всего, постоял бы и пошагал дальше, не видя нужды в разговоре, но тут подошёл к нему Никита Мехов. Он как раз направлялся в ту же комнату. Узнав о приглашении, Мехов энергично схватил Семёна Лукича за плечи и распахнул дверь.

В комнате было несколько человек из съёмочной группы, которым режиссёр давал поручения, но, увидев вошедших, воскликнул:

— Всё! Разбежались!

Он выждал, пока все ушли, и обратился к Мехову:

— Как раз кстати. Помнишь его замысел?

— Об острове? Как не помнить!

Погудалов, продолжая разговаривать с Меховым, усадил Семёна Лукича на диван и отошёл к письменному столу.

— Может быть, наступило то самое время, когда нужно делать такого рода картины, — убеждённо рассудил он. — Мне постоянно долбят, что нужно делать коммерчески выгодные фильмы. А как это сочетать с искусством? Мне кажется, Семён, твой замысел попадает в десятку.

— Считаешь, что можно запуститься с фильмом Семёна Лукича? — заинтересованно спросил Мехов.

— Как нечего делать, — бросил Погудалов. Он решительно двинулся к двери, бросив на ходу:

— Идём к директору.

В кабинете директора было ощущение простора, потому что небольшая комната была очень скупо обставлена: письменный стол, стулья вдоль стен, узкий, как пенал, гардероб — и всё. На голых стенах висела единственная репродукция в небольшой рамке под стеклом: излучина реки среди долины.

Хозяин кабинета был человеком невысокого роста, большоголовый, лысый, с худыми плечами и с брюшком, но при всём при том не казался невзрачным и сразу располагал к себе. Причиной тому были, видимо, добродушное лицо и пронизывающая всю его суть простота. Этот человек едва ли умел хитрить и притворяться. Как он в начальники вышел?

— Явились за него просить? — догадался он.

Директор смотрел на Семёна Лукича с весёлым и даже озорным любопытством в глазах.

— А как порох в пороховнице? — спросил он.

— Сухой, — ответил Погудалов. — В этом смысле даю полную гарантию. Талант не умирает, а крепчает со временем, как вино.

— Ну, раз как вино, — добродушно отозвался директор и налил в стакан воды из стоявшего на подоконнике графина. — Тогда за здоровье! Давай сценарий. Деньги выбью только под хороший сценарий.

Шагая к своему флигелю, Листопадов не чувствовал ни радости, ни грусти. Он оттого был спокоен, что понимал: постановка фильма вполне реальна. Мечта, которая томилась в нём десятки лет, может осуществиться. И все те кадры, что преследовали его воображение, теперь перейдут на экран. Что ещё нужно художнику? Ради этого он готов отдать остаток жизни. Сколько

раз Семён Лукич уверял себя, что о нём непременно вспомнят, и ждал этой минуты! Вот и пришла она...

Но более самого счастливи́чика был взволнован Никита Мехов. Теперь он каждый день заглядывал в кабинет Листопадова и спрашивал:

— Как подвигается?

— Вполне, — отвечал Семен Лукич. — Тыфу-тыфу!

Когда прошла неделя, Мехов завалился к Семёну Лукичу с утра.

— Где исписанные листы? Отдам на машинку.

— Да понимаешь? — начал мямлить Семен Лукич. — По вечерам приходится... Днём же на работе.

Одной недели для написания сценария, конечно, было маловато, и Никита Мехов предложил хотя бы набросать расширенную заявку, в которой Семён Лукич эмоционально изложил бы суть истории. Мехов был готов бескорыстно помочь приятелю доработать вещь.

Но прошла ещё неделя. Никита Мехов пришёл к Семёну Лукичу уже с некоторой опаской.

— Принёс?

— Да понимаешь...

— Ты хоть сяди за стол? — напрямик спросил Мехов.

— Я думал...

— Что тебе думать? Ты столько раз пересказывал его. Наизусть помнить должен.

— Оно так, конечно. Но понимаешь, Никита? Не поверят.

— Кто не поверит?

— Люди. Зрители. Они другими стали.

— Во что не поверят?

Это было в середине девяностых годов. Много тогда появилось такого народа, что стремились бросить свою страну и уехать за бугор, видя там рай земной.

— Посмотри, что творится, Мехов. Это же кто? Это же потребители. Что им до моего замысла?

— Что ты хочешь этим сказать? — встревожился Никита Мехов.

— Замысел устарел. Нынче о душе думают только старики, а молодёжь — о деньгах. Какая любовь? О чём ты? Нынче любви нет, есть только секс. Кошелёк набит — куши красавицу. Товар доступный.

— Что ты такое городишь, Лукич? При чём тут всё это?

— Да и поздно мне о любви... Старый холостяк, седой, хворый... Что я понимаю в любви?

— При чём тут любовь? — недоумевал Мехов.

— Да как при чём? Вся-то суть в этой любви. Я разве тебе не рассказывал финал?

— Не удосужился!

— Так чего с тобой толковать? Ты же не знаешь, о чём я хотел снять кино.

— Растолкуй, будь милостив.

— Зачем? Что это даст? Говорю же: устарел сюжет. Помнишь Марину Ливанскую?

— Ну, помню.

— Как-то случайно встретил. Бог ты мой! Какие мы другие стали! Даже по глазам видно.

— Да Ливанская при чём, если тебе дают постановку?

— Когда-то, Мехов, я любил эту женщину. Я ради неё сюжет придумал. И ни разу не рассказал ей до конца. Боялся, что скажет: сентиментально. Тогда это было ругательным словом. А теперь поздно. Нас нет, прежних, остались тени.

— Дурак ты, Лукич. И пошёл ты к чёрту!

Тогда Никита Мехов ушёл от Листопадова очень рассерженным, а когда остыл, всерьёз задумался над его словами: не поверят. Ему страстно захотелось выведать, какое же разрешение сюжета замыслил когда-то Листопадов, если и тогда не осмеливался рассказать, и теперь опасается договорить. Во что теперешний зритель не поверит?

Все старания Погудалова и Мехова оказались напрасными. Семен Лукич долго отлынивал от постановки, а потом и вовсе стал сердиться при упоминании о ней.

После короткого бума в начале девяностых годов благодетели-спонсоры исчезли: отмыли деньги, успокоились и в кино больше не видели выгоды. Студия еле кряхтела, вымучивая в год две-три картины. Стало столько безработных режиссёров, что о Листопадове снова забыли, и теперь уже навсегда. А между тем время не отдыхало, своё дело делало: поредели волосы, сморщилось лицо, появилась сутулость, годы тихонько укатали сивку... Семён Лукич так и не сумел создать семью, жил в однокомнатной квартире бо-былём и стеснительно попивал. К Мехову заглядывал редко, а как-то признался, что уже не снится ему кино, не видятся кадры.

Потом Семён Лукич незаметно вышел на пенсию. Полгода или более того Никита Мехов не встречал его, а как-то видит: идёт по коридору важный, шубу распахнул, руки в карманах, на голове — вязаная шапочка, на ногах — сапоги в раструб.

— Здорово, Никита!

— Здравствуй, Лукич!

— Как жизнь молодая?

— А у тебя?

— Мне с тобой некогда. Займи на пиво. Со спонсором встречаюсь. Надо угостить.

— Так на два пива?

— Давай на два.

Эти ссылки на спонсора повторялись несколько раз, потом Семён Лукич сменил пластинку и уже спрашивал, заведет ли Мехова:

— Как здоровье?

— Да ничего...

— Может, прихворал? Так я за твоё здоровье выпью. Одолжи на пиво.

Прошло ещё сколько-то времени, и Мехов случайно столкнулся на дворе студии с Мариной Ливанской. Всегда больно после долгой разлуки увидеть, как постарел давнишний знакомый, особенно когда это женщина, да тем более — бывшая красавица. Зло берёт на природу — безжалостная госпожа все-таки.

— Никита!

— Марина!

Сели на скамейку под раскидистым каштаном, который только что распустился и стоял в зелёном наряде довольный и праздничный. Была вторая половина апреля — хорошее время! Мехов сызмала любил весну, словно в эту пору дремавшая душа выбиралась из берлоги и доверчиво принимала солнечную жизнь. Снова чему-то хотелось верить, и возникало чувство ожидания неведомой радости или утешения.

— Сколько лет, сколько зим!

— Сильно изменилась?

— Отлично выглядишь!

Марина горько рассмеялась. Она была в старом платье, выцветшем и застиранном, в чёрных волосах проступила проседь, но более всего изменились глаза: в них было выражение недоумения и покорности, отражение бедности и безнадёги. Марину давно сократили; она была способным монтажёром, но пришла пора малокартинья, не к чему стало прилагать уменьше, и она работала в какой-то столовой уборщицей.

— Хоть платят?

— Да ты что! Гроши...

— Поискала бы чего получше.

— А что я умею? Мне кино снится.

— Это кто-то уже когда-то говорил...

— Листопадов. Семён Лукич.

— Точно! Давно видела?

— Утром расстались.

Мехов промолчал, догадываясь.

— Ты не слышал? — вяло удивилась она. — Мы вместе... Он пришёл ко мне как-то. Говорит: давай будем сдавать одну квартиру. У нас же по однокомнатной. Вот и перешёл ко мне.

— Я всегда знал, что он любил тебя.

— Да ну тебя, Никита! Любовь, страсти... Всё это в прошлом. Что-нибудь пишешь?

— Нет, — честно ответил Никита Мехов. — Даже не знаю почему.

— Печали много, — пояснила Марина. — А мы привыкли делиться радостью.

— Может, оно и так, — равнодушно согласился Никита Мехов. — А помнишь, как Семён Лукич рассказывал?

Она минуту сидела молча, о чём-то думая, потом ясными глазами посмотрела на Мехова.

— Я только теперь его разглядела, — сказала Марина. — Вечный неудачник. Сколько его обижали! А хоть бы кого-то осудил. Удивляюсь ему. Честное слово! Вот есть люди, которые не умеют обижаться. Почему, Никита? Что это — сила? Или наоборот?

— Не знаю, Марина.

Она тряхнула коротко стриженными волосами и посмотрела на Никиту Мехова.

— Вот и поговорили. По душам. Побегу. Ты уж будь. Будь!

Она поднялась, пошла торопливо, словно убегала.

Уже осенью, спустя пять месяцев, Никита Егорович шёл пешком из дома на работу. Дорога его проходила мимо пивной, что стояла в низине: небольшое помещение из пластика и стекла в окружении девятиэтажек. Дверь была открыта нараспашку, трое пропитых мужичков скидывались, мусоля мятые рубли, и были так сосредоточены, что не заметили бы и конца света. Никита Мехов кинул на них случайный взгляд и отвернулся бы равнодушно, потому что настроение было хорошее, светило осеннее солнце, и от того казалось, что хоть и увядает природа, шуршат под ногами облетающие листья, а всё — праздник, но тут он увидел Листопадова.

Семён Лукич, вальяжный и довольный, показался в проёме двери с двумя кружками пенного пива в руках. Он двинулся к круглой стойке на одной ножке, что была вкопана в землю. За ним следовали двое приятелей и тоже несли по две кружки пива. Алкаши, считавшие свои гроши, застыли с одинаковым выражением на лицах. Листопадов поставил кружки на стойку и сделал царственный жест. Он извлёк из кармана купюру и поднял, не оборачиваясь, выше плеча. Один из алкашей кинулся к нему и двумя пальцами, оттопырив мизинец, снял возделенную денежку.

Семён Лукич был в своей неизменной шубе из искусственного меха, в тех же шароварах и резиновых полусапожках, но без спортивной вязаной шапочки. От прежнего облака волос на его голове ничего не осталось, словно дунул кто-то, и одуванчик облетел.

Никита Мехов стоял посреди тротуара. Он раздумывал, стоит ли подойти, не помешает ли он компании. Всё-таки решил, двинулся к тройке, но в трёх шагах остановился. Стоявший к нему спиной Семён Лукич напористым голосом говорил:

— Но ещё до таинственного исчезновения мессера Джан Галеацца де Горгольо, а именно пятого марта триста девяностого года от Рождества Христова, в правление римского императора Феодосия, военный трибун девятого легиона четвёртой когорты Публий Гельвещий был направлен во главе отряда на кораблях в далёкую Сарматию.

Приятели восторженно, с великим пониманием слушали его, попивая дармовое пиво. Живительная влага ошастливила их, по лицам было видно, что испытывали они в эту минуту райское блаженство. Никита Мехов отступил, потом повернулся и чуть ли не побежал, почему-то сутулясь и вобрав голову в плечи.

Уже ближе к весне Никита Мехов столкнулся в коридоре с одной из прежних работниц монтажного цеха, которую звали Таисией. Она оформляла пенсию, собирала справки и потому оказалась на киностудии — малень-

кая, худая и ужасно говорливая. Рассказала о себе, как живёт-поживает, как устроились дети, как дела на даче и как растут внуки. Вспомнили общих знакомых и, конечно, Марину Ливанскую, с которой поработала она не на одной картине.

— Она вышла за Листопадова, — сообщил Никита Мехов. — Слыхала?

— Чего же нет? — даже возмутилась Таисия. — Конечно. А знаете, что она его держит взаперти?

— Как так?

— Сама рассказывала мне. Мы иногда видимся. Утром выгуляет, как собачку. Рядом у них скверик. Побудут на воздухе, и ведёт домой. Ключи его спрятала. Закроет — и на работу. А вечером вернётся — опять прогуляет.

— Как так можно?

— А как иначе. С головой у него плохо. Пенсию получит и дружков угощает. Домой ни копейки не приносит. А то ещё из дому утащит. Продаст — и к друзьям. Вот и запирает его Марина.

Никита Мехов представил, как мается Лукич целыми днями один в квартире, как выходит на балкон, стоит часами на девятом этаже и смотрит вниз. А там продолжается человеческая жизнь, чужая, уже недоступная ему. Он взирает на неё, как будто уже вознёсся на небо. И должно быть, приходит в его шальную голову мысль: перевалиться за перила, раскинуть руки и броситься с высоты, чтобы коснуться земли, по которой так много ходил.

Не может не приходиться, потому что там, внизу, люди, которым он всю жизнь рассказывал свою мечту.

Узнав от Таисии, когда Марина гуляет со своим Семёном Лукичом в скверике перед домом, Никита Мехов оказался там и долго изображал удивление случайной якобы встречей. Марина попросила мужчин посидеть на скамейке, а сама побежала в недалёкий магазин прикупить чего-нибудь к чаю. Когда остались одни, Листопадов усталился на Мехова с усмешкой на губах, даже глаза заблестели озорством.

— Я знал, что придёшь, — сказал уверенно Семён Лукич.

— С чего ты решил, что приду?

— Я тебя знаю — ты любопытный.

— И что из того?

— А вдруг я помру, и ты не узнаешь, чем кончилась бы моя картина. Угадал?

— Да я случайно тут оказался...

— Не ври. А я тебе расскажу, Мехов. Фролов-то вернулся.

— Куда вернулся?

— Не врубился, вижу.

— Нет, нет, я понял, понял, — торопливо уверил Мехов.

— Там не было времени. Там никто не знал, сколько прошло минут, часов, дней, лет. Фролова окружали красивые девушки, он знал, что райская жизнь продлится вечно. Но он помнил свою Наташу. Мне важен был миг, когда Фролов подошёл к роковой черте. За спиной — бессмертие, поверни назад — и ты будешь жить вечно! А за чертой — Наташа. Девушка, которая ждёт героя с войны. И он, Фролов, её любит. И он перешагнул черту. Вот, собственно, Мехов, о чём я хотел... Он перешагнул черту ради своей Наташи! На бессмертие плюнул... Перешагнул черту и превратился в древнего старика, потому что много лет прошло. Спросишь, почему он это сделал? Не по уму жил. Вот почему.

Из-за угла дома показалась Марина Ливанская с авоськой. И тут Семён Лукич заторопился.

Он улыбнулся и проговорил с грустным и каким-то вроде застарелым удивлением:

— Что же такое любовь, если человек готов ради неё из рая вернуться на грешную землю?

— Отчего? — заволновался Никита Мехов. — Скажи, отчего ты решил, что нынешние люди не поймут поступка Александра Фролова? Ты же пото-

му отказался от постановки фильма, что уверился: не поймут. Ведь так? Кто же они, Лукич, если не поймут? Зачем в природе такие люди?

Листопадов не успел ответить, подошла Марина Ливанская и пригласила Мехова на чай, но он сослался на неотложные дела и отказался.

А вот нынче Никита Мехов узнал последнюю новость о Семёне Лукиче. Позвонила Марина Ливанская.

— Как исчез? — растерялся Никита Егорович.

— Если бы я знала! — Марина была сильно огорчена и растеряна. — Сам он уйти не мог, у него ключа не было. И дверь не взломана. Как-то связался, видать, с прежними друзьями, и они ему отперли снаружи. Ничего не взял из вещей, кроме одежды, в которой ходил. Даже остатки пенсии не тронул. Значит, не в пивную побежал. Да я уже всё вокруг обошла. Нет его нигде...

Не мог же он бесследно раствориться в воздухе, как мечтал.

— Куда он мог уйти? — спрашивала Марина.

Скорее всего, трезво подумалось Никите Мехову, Лукич ушёл в бомжи и живёт на какой-нибудь городской свалке, как на острове, среди подобных себе отщепенцев. По вечерам у костра он вдохновенно рассказывает:

— Второго ноября 1812 года корпус под командованием генерала Ермолова столкнулся с арьергардом отступавшей Великой Армии. Молодой артиллерийский подпоручик второй бригады Александр Фролов...

Марине Ливанской Мехов обещал, что подумает, где искать Лукича, и она положила трубку. Да вдруг и так пронзительно — вопреки логике! — Никите Мехову захотелось поверить, что Лукич ушёл из города умышленно и добрался до того непролазного болота, а ему навстречу вышла из леса дивная дева...

И теперь он там, на своём острове. Пронесённый им через всю жизнь замысел оказался и не фантазией вовсе, а правдой. Человек так долго и так преданно верил в мечту, что она стала явью. И в эти минуты среди изначальной и вечной красоты безобидный Семён Лукич стал молодым, потому что скинул старость, как ветхую одежду, и с пышной копной волос на голове снова стал похож на одуванчик. Ему хорошо на том острове. Не может быть человеку плохо там, где нет смерти.

И только печаль о нас может тревожить Семёна Лукича Листопадова. Вот из-за этой-то печали и не выдержит рая Семён Листопадов, и перешагнёт заветную черту. Он вернётся ради того, чтобы никто не сомневался, что жизнь сама по себе ничего не стоит, будь она хоть вечной, если не пронизана любовью, как день — солнцем.

А кому, как не смертным людям, важно об этом знать?